

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Академики-востоковеды Эдуард Шаванн (1865—1918) и Поль Пеллио (1878—1945)

И. Э. Циперович
Библиотека РАН
(Санкт-Петербург)

Вторая половина XIX—первые десятилетия XX в. ознаменованы активными контактами между русскими и западными учеными в области ориенталистики. При этом особую роль в формировании взглядов целого ряда русских востоковедов сыграла прежде всего ориенталистика французская. Едва ли не в первую очередь это относится к нашему китаеведению. В этой области в начале XX в. на первый план выступают три корифея синологии: Шаванн, Пеллио, Алексеев.

Так сложилось, что акад. Василий Михайлович Алексеев (1881—1951), основатель и глава новой петербургской школы китаеведения, первый в России китаевед-культуролог, был теснейшим образом связан с французской ориенталистикой. Ее именитые представители Эдуард Шаванн и Поль Пеллио сыграли особую роль в жизни русского ученого, о чем свидетельствуют и публикации В. М. Алексеева, и материалы его архива. Научное общение Алексеева с Шаванном и Пеллио стало неотделимым от установившихся между ними дружеских отношений. Однако личные контакты русского ученого с его французскими коллегами были кратковременными, эпизодическими. Обмен научными планами, информацией о публикациях, житейскими радостями и неудачами осуществлялся в основном в переписке¹.

Алексеев отдавал должное своим великим предшественникам, первым отечественным синологам, начальникам российских духовных миссий в Пекине — Никите Яковлевичу Бичурину (Иакинфу, 1777—1853), Петру Ивановичу Кафарову (Палладию, 1817—1878) и главе первой национальной китаеведческой школы акад. Василию Павловичу Васильеву (1818—1900). Им он посвятил немало лекций и публикаций. Однако своим становлением как ученого Алексеев считал себя обязанным синологии французской, называя при этом прежде всего имена Эдуарда Шаванна и Поля Пеллио.

Мне выпало счастье с 1937 г. и до начала войны слушать университетские курсы акад. Алексеева, после войны — под его руководством заниматься в аспирантуре, преподавать и быть секретарем кафедры, которой он заведовал. Прекрасно помню, как он втолковывал всем, что китаеведе-

¹ Автором настоящей статьи составлено собрание найденных в Париже писем В. М. Алексеева к Эд. Шаванну и П. Пеллио. Издание этого собрания с комментариями к тексту писем планирует в 1998 году осуществить Центр «Петербургское востоковедение».

ние есть наука французская, как воодушевлялся, с каким упоением рассказывал о французской синологии, о блестящих ученых и удивительных людях Эдуарде Шаванне, Поле Пеллио и Анри Масперо, которым она (эта синология) в первую очередь обязана. И на лекциях, и в частных беседах он называл своих знаменитых коллег, которые волею судеб стали его большими друзьями, не иначе как «крупнейшими синологами XX века». «Первоклассный китаевед», «корифей нашей науки», «самый замечательный из китаистов» — такими словами неизменно сопровождалось имя Шаванна; «крупнейший китаевед нашего времени» было неременной характеристикой Пеллио. «Учитесь у Шаванна и Пеллио», — постоянно напутствовал Алексеев студентов старших курсов и аспирантов, которые вступали на долгий и тяжелый путь исследования и перевода старинных китайских текстов. Горько признаться: при абсолютном доверии к любому слову академика, панегирики в адрес французского китаеведения едва ли не у большинства слушателей вызывали некий неприятный осадок и чувство обиды — что поделаешь, наши мозги в ту пору были запрограммированы на исключительный приоритет всего отечественного. Только много лет спустя, когда пишушей эти строки представилась возможность познакомиться с некоторыми до тех пор неизвестными ей трудами наших и зарубежных востоковедов, стало ясно, сколь объективно отражало истинное положение вещей утверждение Алексева, внушавшего своим мало что знавшим тогда ученикам неоспоримую истину: китаеведение создавалось долгими и упорными трудами ученых разных стран, но стало методологически выстроенной наукой в конце XIX — первой половине XX в. именно благодаря блестящей плеяде китаеведов Франции. Сделать подобное заключение академик имел полное право. Историю мирового китаеведения, и в первую очередь европейского, он знал как никто иной. Свидетельством тому лекционный курс, который он готовил многие годы, «Введение в синологию Европы» — более 560 листов текстов, заметок, библиографии и проч. (А*. Фонд 820, оп. 1, ед. хр. 33).

Первое непосредственное знакомство В. М. Алексева с европейской ориенталистикой состоялось в 1904—1906 гг.¹ Началось оно с Англии. Здесь Василий Михайлович работает в библиотеке Британского музея в идеальных условиях, которые он назвал в одном из своих первых писем к Шаванну «рабочим комфортом»; посещает знаменитые художественные галереи и музеи Дальнего Востока, где его неременным гидом был известный английский синолог-искусствовед д-р Бушелл; занимается в нумизматическом отделе Британского музея, продолжая начатые еще в Петербурге исследования коллекций китайских монетовидных амулетов. Впечатление от всего этого было ошеломляющее. Не раз делится он им в своих воспоминаниях и письмах. «Нельзя положительно представить себе, — пишет В. М. Алексеев в „Автобиографии“, — с каким жаром и увлечением окунулся я в этот новый для меня мир, столь непохожий на скучное и нудное прозябание над афоризмами классиков, понимаемыми сквозь очки схоластов. Этот поток увлечения мчал меня среди идеальной, совершенно невозможной в Петербурге обстановки превосходных музеев и прекрасных библиотек Лондона» [1, с. 270]. И все же, свидетельствует

* А. — принятое автором данной статьи обозначение С.-Петербургского филиала Архива РАН.

¹ Подробный отчет В. М. Алексева об этой командировке в Европу опубликован в 1906 г. в «Заметках об изучении Китая в Англии, Франции и Германии» [3].

Алексеев: «Я не нашел, однако, себе в Англии настоящих руководителей-профессоров, и только в Париже счастливая судьба свела меня с самым крупным и блестящим синологом того времени, проф. Шаванном, от которого я и научился многому, особенно историческому методу» [4, с. 302].

Париж. Коллеж де Франс

Оказавшись в Париже, Василий Михайлович в течение летних семестров 1904—1906 гг. посещает Коллеж де Франс (далее: КФ)¹, где, помимо лекций Шаванна, слушает курсы знаменитых профессор-лингвистов А. Мейе (A. Meillet), В. Анри (V. Henry), П. Пасси (P. Passy) и Ж.-П. Руссло (J.-P. Rousselot). Не раз высказывал Алексеев сожаление, что в ту пору его возможность слушать лекции в КФ ограничилась всего четырьмя месяцами. Однако и этого было достаточно, чтобы оценить эрудицию Шаванна, проникнуться глубочайшим уважением к личности самого лектора и его лекциям, которые буквально потрясли молодого русского слушателя логичностью изложения, убедительностью выводов, методом сравнительного исследования привлекаемых сложнейших китайских текстов².

¹ Collège de France — одно из старейших высших учебных заведений Франции (осн. в 1530 г.). К настоящему времени в КФ более пятидесяти кафедр и множество лабораторий по разным отраслям гуманитарных и естественных наук. Во времена Алексеева кафедру китайской словесности возглавлял Шаванн, а после его смерти — Пеллио. Особенностью КФ является методика обучения в нем: слушатели свободны в выборе и посещении лекционных курсов, которые обеспечиваются ведущими учеными страны; экзаменов не предполагается, об успехах слушателей судят по их научным трудам. В свое время В. М. Алексеев ратовал за организацию при АН СССР лекционных чтений, подобных тем, что практиковались в КФ. Об этом он вел переписку с Бюро по организации публичных выступлений академиков и член-корроров, предлагая и собственный план лекций на десятилетие 1936—1946 гг.

² О лекциях Шаванна подробно рассказано Алексеевым в упомянутых «Заметках об изучении Китая...», в разделе «Коллеж де Франс». Текст этого раздела опубликован в кн.: Алексеев В. М. Наука о Востоке [6, с. 78—82].

С первых же дней знакомства с русским специалистом Шаванн уделяет ему особое внимание, дает консультации на дому, помогает ориентироваться в новой обстановке. Восторженное отношение к Шаванну, которого В. М. Алексеев всегда и везде с гордостью называл своим учителем, может быть лучше, чем где бы то ни было, запечатлено в его письмах к Шаванну.

Вернувшись в Петербург, полный парижских впечатлений и чувств благодарности к своему учителю, магистрант Василий Алексеев 17 июля 1906 г. обращается с письмом к тогдашнему декану факультета восточных языков проф. В. А. Жуковскому. Начав с отчета о прослушанных лекциях в КФ, Алексеев особо останавливается на лекционном курсе Шаванна, пишет о добром отношении Шаванна к России, о том внимании, которое тот уделял ему лично, и под конец обращается к декану с просьбой: «Лично весьма тронутый подобным вниманием к целой серии вещей, мне бесконечно дорогих, и признавая наличность в проф. Шаванне безукоснительно доброй воли и убежденнейшей симпатии к университету в России, я имею честь сим покорнейше просить Вас, глубокоуважаемый Валентин Алексеевич, не отказать в предложении факультету согласиться на выражение — в той форме, какая ему кажется удобной, и от его имени — благодарности проф. Шаванну за его прямую услугу факультету в виде создания исключительно благоприятных условий для моей двухлетней миссии на Западе» [8, с. 78].

Следующая встреча с Шаванном была для Василия Михайловича счастливой случайностью: 10 мая 1907 г. в Пекине проездом остановился Шаванн, возглавлявший в то время по поручению Парижской Академии археологическую миссию в Северном Китае. По просьбе Алексеева, который жил тогда в Пекине, готовясь к профессорскому званию, Шаванн включил молодого магистранта в состав своей экспедиции. Совместное их путешествие по историческим местам Северного Китая длилось четыре с половиной месяца. Во время путешествия Алексеев вел путевые дневниковые записи, часть которых впоследствии сам подготовил к печати; оставшуюся часть подготовили к публикации Н. М. Алексеева и М. В. Баньковская. Книга вышла в свет в 1958 г. [2]. После этого путешествия Василий Михайлович часто говорил и писал о нем, особо подчеркивая, как много оно ему дало и в плане собирания фольклорного материала (прежде всего китайских лубочных картин и китайской народной иконы), и в плане общения с любимым учителем.

Последняя возможность встречаться с проф. Шаванном и слушать его лекции представилась В. М. Алексееву в 1911 г. во время летней командировки в Париж и Лондон. Далее обмен мнениями, научными планами, научной информацией и житейскими подробностями между верными друзьями осуществлялся в их переписке. Шаванн умер 29 января 1918 г.¹

Скорбя об ушедшем учителе и друге, В. М. Алексеев 17 октября того же года выступил в Восточном отделении Русского археологического общества с докладом «Памяти профессора Эдуарда Шаванна». И здесь в который раз Василий Михайлович признает: «Шаванн продолжил и закончил мое подготовительное специальное образование. Я ему обязан всем, чем бывает обязан ученик своему учителю, т. е. главным образом созданием себе целого ряда научных перспектив и способностью находить средства к их достижению.

¹ Весть о кончине Шаванна дошла до Петрограда спустя полгода.

Так забыть ли мне тот день в 1905 г., когда я впервые пришел в Коллеж де Франс и увидел молоджавого профессора, автора столь огромных трудов, объяснявшего китайский текст так, как я даже представить себе не мог? Забыть ли мне два семестра, в которых я усердно облачался в новую одежду смиренного перед истинным знанием ученика? Увы!» [7, с. 77]. Многие об отношении Алексева к Шаванну как к Учителю читатель почерпнет также из писем В. М. Алексева (см. Приложение 3).

Поль Пеллио был одним из самых талантливых учеников акад. Шаванна; после смерти учителя именно он возглавил французское востоковедение. Не исключено, что в 1911 г., во время второй поездки Василия Михайловича в Европу, и состоялось личное знакомство Алексева с Пеллио¹. События, потрясшие Россию в начале века, политика советской власти в отношении общения с иностранцами, запреты переписки с ними сказались на регулярности переписки Алексева и Пеллио, в которой прослеживаются перерывы с марта 1914 г. по сентябрь 1916 г., с 1918 г. по 1920 г. Чего стоили Алексеву эти вынужденные перерывы! В письме к Пеллио от 22.04.1921 г. Василий Михайлович пишет: «Хотя я пишу Вам уже второй раз после объявления о свободе писем, но надежды остаются прежними. Все же надо всегда пробовать и пытаться! Сюда не доходит ничто или почти ничто с научной работе китаеведов на Западе. Хуже того состояния, в котором я сейчас обретаюсь, и придумать невозможно. Я не говорю уже о собачьей пище, являющейся для нас здесь идеалом, и о всех ужасах поистине собачьей жизни, — с меня достаточно думать и знать, как я отстал от всех. Ведь я не знаю, что Вы делали все это время, кто преемник Шаванна в Collège, что и где Вы обо мне написали. Чудовищно! Нелепо! Фантастично!» Русскому ученому и его французскому коллеге довелось увидеться в 1923 г. в Лондоне и в 1925 и 1932 гг. в Ленинграде, куда Пеллио был приглашен в качестве почетного гостя АН СССР. Конец недоброй памяти 30-х годов прервал всякую возможность переписки двух выдающихся ученых, долгие годы связанных общностью научных интересов и узами искренней дружбы. Не суждено было ей возобновиться и в дальнейшем: политические события в нашей стране до начала второй мировой войны, сама война и безвременная кончина Пеллио в октябре 1945 г. тому причиной.

Прошло восемьдесят лет со времени кончины Шаванна и более пятидесяти со дня смерти Пеллио. Теперь многие, даже те, кому знакомы их имена, мало знают о них самих, об их заслугах перед мировой ориенталистикой. Представляется не лишним хотя бы в общих чертах напомнить об этом.

Эмануэль-Эдуард Шаванн (Emmanuel-Édouard Chavannes, 5.10.1865—29.01.1918). После гимназии Шаванн в 1885 г. поступает в Высший педагогический институт (l'École normale supérieure), который заканчивает в 1888 г. Решив посвятить себя философским наукам, Шаванн в качестве

¹ У нас нет данных, которые позволили бы с абсолютной достоверностью назвать дату этой встречи.

диссертации, защита которой приносит ему степень профессора, выбирает тему, касающуюся метафизических принципов в естествознании. Эта работа, опубликованная в 1891 г., и явилась первым печатным трудом молодого ученого. Вскоре Шаванн решает обратиться к истории китайской философии, что заставляет его искать возможность жить и работать в Китае. Таковая представилась в начале 1889 г. в виде места атташе, не оговоренного определенным кругом обязанностей (*attaché libre*), при Французской дипломатической миссии в Пекине. Поначалу Шаванн занимается китайской канонической книгой обрядов «И ли», но очень скоро переключается на бессмертный исторический труд Сыма Цяня (II—I вв. до н. э.) «Записи историка» («Ши цзи»). Этот памятник, последовательно излагающий историю Китая с древнейших времен по I в. до н. э., и стал предметом его кропотливого исследования, перевода и научного комментария. Результатом титанического труда явились пять объемистых томов под названием «*Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien. Traduits et annotés par Éd. Chavannes*» [18]. Все пять томов (причем том третий — в двух книгах) были изданы в период с 1895 по 1905 г. К великому сожалению, этот труд остался незавершенным: пять томов из предполагавшихся десяти составили примерно треть самого источника (47 глав из 130). Но и эта часть, выполненная на самом высоком научном уровне и представленная в таком объеме, принесла ее автору мировую славу. Акад. В. В. Бартольд свидетельствует: «...хотя и не оконченный Шаванном полный перевод „Исторических записок“ Сыма Цяня является самой обширной не только из его собственных работ, но вообще из работ европейских синологов в области перевода и толкования китайских исторических текстов» [12, с. 630]. Разумеется, из отечественных востоковедов наибольшее внимание этой фундаментальной работе уделял акад. Алексеев, который считал ее великим подвигом жизни Шаванна и характеризовал как труд «непревзойденный», «бессмертный», «первый и единственный, положивший основы изучению китайской истории». В публикациях Алексеева многократно анализируются научные достоинства этого труда и его роль в мировом китаеведении. Хотелось бы привести соображение В. М. Алексеева о том значении, которое он придавал данной работе в деле обучения молодых специалистов-китаеведов, — области, которой Алексеев посвятил всего себя начиная с первых дней преподавания в Петербургском университете. В «Рабочей библиографии китаиста», в разделе «Исследования по истории» — а таковые, как известно, акад. Алексеев ставил на первый план всего синологического цикла обучения, — с первых же строк говорится: «Учащемуся, безразлично от дальнейшей специальности, какой он себя посвятит, нужно начать свой цикл этюдов (текст европейца параллельно тексту китайца) с капитального исторического труда проф. Шаванна об „Истории“ Сыма Цяня „*Les Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien*“» [9, часть I, глава IV]. Из необъятного наследия Шаванна назовем еще три его монументальных труда: опубликованный в Оксфорде в 1913 г. перевод китайских документов, обнаруженных А. Стейном в Восточном Туркестане [18]; совершенно уникальный большеформатный альбом, представивший миру 1179 прекрасно выполненных фотоснимков древних памятников китайской скульптуры, запечатленных Шаванном во время его археологической экспедиции по Северному Китаю в 1907 г. (издавался частями в 1909, 1913 и 1915 гг.) [19–21]; комментированный перевод пятисот рассказов и притч, избранных Шаванном из китайской Трипитаки (публиковался четырьмя частями на

протяжении 1910—1924 гг.) [16]. Трудно перечислить тематику, которую охватывает поистине энциклопедическое наследие Шаванна: религии и философии Китая, история и историография, эпиграфика, археологические находки, путешествия китайцев в древние времена и многое, многое другое. Считая своим долгом откликаться на востоковедческие публикации ученых разных стран, Шаванн посвящал им свои очередные рецензии и заметки. Так, в библиографической части некролога Шаванну, написанного Анри Кордье, учителем, коллегой и другом Шаванна, названы 74 работы ученого по разным вопросам китайской культуры и примерно 200 рецензий («comptes rendus», «notes») [26, с. 114—147]. Насколько нам известно, полной печатной библиографии трудов Шаванна не существует. Свидетельством ревностно-почтительного отношения Алексеева к трудам Учителя является тщательно составленная Василием Михайловичем на листочках и сохранившаяся в его архиве погодная библиография трудов Шаванна по китаеведению. Библиография охватывает период с 1890 по 1917 г. и содержит 1045 названий (А. Фонд 820, оп. 1, ед. хр. 616, л. 1—991).

Второй, не менее важной областью работы Эд. Шаванна были его лекции в КФ. В 1893 г. на освободившееся место заведующего китайской кафедрой КФ был объявлен конкурс (имя Шаванна значилось в числе восьми претендентов). На заседании Академии надписей и изящной словесности (l'Academie des inscriptions et belles-lettres) Шаванн в свои двадцать восемь лет был избран на заведование кафедрой и получил почетное звание адъюнкта-профессора (agrégé). Это назначение и заставило молодого ученого в том же 1893 г. возвратиться из Китая в Париж. О темах лекций Шаванна в КФ достаточно подробно рассказано Алексеевым в уже упоминавшихся «Заметках об изучении Китая в Англии, Франции и Германии» [3], там же дана и характеристика этих, по словам Алексеева, «на редкость подготовленных, и научно, и педагогически, лекций о всем том, что созрело в нем к данному моменту и что он мог уже проповедовать аудитории». Пусть читатель простит за извлечение столь длинного пассажа из уже упомянутого доклада Василия Михайловича «Памяти профессора Эдуарда Шаванна», который здесь будет воспроизведен, но именно в нем, на наш взгляд, заключена наиболее емкая и яркая оценка профессорского таланта Шаванна. «Школа Шаванна, — свидетельствует Алексеев, — была основана на историологии, но он делал экскурсии и в область лингвистики, и это действовало на аудиторию освежающе. Необыкновенно чуткий к ней, старавшийся, с одной стороны, ввести ее в самые истоки знания, с другой — сблизиться с ней и поискать в умах, обращающихся к нему, нового и серьезного, Шаванн был — я говорю это с полным сознанием, как его ученик, — образцовым во всех отношениях профессором, с неподдельным научным воодушевлением, чудесным даром слова, превосходным педагогическим тактом, с безукоризненной отчетливостью сообщаемых знаний и особенно перевода, которому отныне должен быть присвоен эпитет „шаванновский“. Чувство долга и великой ответственности владело им при отправлении профессорских обязанностей настолько, что лекции отнимали у него гораздо больше времени, чем прочие научные работы» [7, с. 76—77]. В своих трудах В. М. Алексеев не раз возвращается к лекциям Шаванна в КФ, вспоминая о них с восхищением.

Велика заслуга Шаванна и в том активном участии, которое он принимал в издании ведущего международного европейского журнала (сначала по Дальнему Востоку, а затем исключительно по китаеведению) «Тун

бао» («T'oung Pao»), основанного в 1890 г. А. Кордые и голландским синологом Г. Шлегелем и выходящего по сей день. Вместе с Кордые Шаванн был бессменным редактором журнала с 1904 по 1918 г. Он не только редактировал журнал, но постоянно сотрудничал в нем, помещая там статьи и рецензии.

С 1895 г. Шаванн избирается секретарем парижского «Азиатского общества» («Société Asiatique») ¹, в последующие десять лет — почетным членом ряда зарубежных обществ и академий, в том числе член-корреспондентом Российской АН (с 1913 г.) ², в 1915 г. становится президентом Французской Академии надписей и изящной словесности.

Как уже отмечалось, китаеведение обязано Шаванну созданием блистательной школы, определившей в первой половине XX столетия ведущую роль французской синологии. Гениальными французскими учениками Шаванна были востоковеды Марсель Гранэ (Marcel Granet, 1884—1940), историк китайской религии и мифологии, специалист в области древней китайской поэзии; Анри Масперо (Henri Maspero, 1883—1945), историк, лингвист, знаток древнекитайской философии; Поль Пеллио (о нем особо пойдет речь далее) и Поль Демиевиль (Paul Demieville, 1894—1979), известный своими исследованиями по китайскому буддизму и русско-китайским отношениям в XVII в. Именно этих четырех выдающихся ученых называют учениками Шаванна во всех востоковедческих публикациях. Однако было бы несправедливо при этом забывать и зарубежных учеников великого французского синолога, в частности академика Алексева, который всегда с гордостью и по праву называл себя учеником Шаванна и которого Шаванн высоко ценил как своего русского ученика. Свою книгу «Китайская литература», изданную в 1937 г. в Париже на французском языке [14], Алексеев посвящает «Памяти моего дорогого Учителя Эдуарда Шаванна» («A la mémoire de mon cher Maître, Édouard Chavannes») — и это почти через двадцать лет после смерти Шаванна!

Предложенный здесь предельно сжатый обзор научной деятельности акад. Шаванна позволю себе завершить афоризмом, который В. М. Алексеев собирался предпослать своему докладу-некрологу «Памяти профессора Эдуарда Шаванна»: «Три типа людей, занимающихся наукой: 1. около науки всю жизнь; 2. сначала в науке, а потом около нее; 3. никогда от нее не отходящих. Таков Шаванн, глава европейской синологии» (А. Фонд 820, оп. 1, ед. хр. 615, л. 1).

Поль Пеллио (Paul Pelliot, 28.05.1878—26.10.1945) — гениальный ученик и продолжатель дела Шаванна, сменивший учителя на всех его постах, — был, по оценке Алексева, «китаистом абсолютно мирового размаха». Научная карьера Пеллио началась довольно рано. Уже в 1901 г. он стал профессором китайского языка в основанном в 1900 г. в Ханое Французском институте Дальнего Востока (L'École Française d'Extrême Orient).

¹ Старейшее европейское востоковедное общество (осн. в 1822 г.), предметом интересов которого было изучение культур всей Азии и значительной части Африканского континента.

² Читатель имеет возможность ознакомиться с «Запиской об ученых трудах профессора Эдуарда Шаванна», представленной в 1913 г. для избрания французского ученого член-корреспондентом РАН (см. Приложение 1 к настоящей статье). «Записка» подписана академиками В. В. Радловым, К. Г. Залеманом и С. Ф. Ольденбургом. Однако, по всей видимости, материал для нее (если не сам ее текст) был подготовлен В. М. Алексеевым.

В 1905 — 1909 гг. возглавлял знаменитую экспедицию в Центральную Азию. Об этой поистине уникальной по своим результатам экспедиции Пеллио не замедлил доложить в своих отчетах, докладах, статьях [33, 44, 46].

Привезенные им книги, рукописи и предметы материальной культуры дали научному миру новый, неслыханный по своему объему материал по истории культур стран и народов Центральной Азии, а также по культуре Китая. В начале марта 1910 г. в Лувре состоялось торжественное открытие специального зала Пеллио, где были выставлены лучшие экспонаты, привезенные ученым из Центральной Азии. Парижской Национальной библиотеке было передано несметное количество китайских, уйгурских, тибетских, турецких, санскритских, согдийских и других рукописей VI—XI вв.¹ Этой же библиотеке была передана огромная коллекция уникальных китайских научных печатных изданий, приобретенных Пеллио в Пекине и Шанхае². В одной из своих публикаций, посвященных результатам экспедиции, Пеллио

с гордостью заявляет: «Мы привезли в Национальную библиотеку целую библиотеку китайских изданий, такую, какой до сих пор не было в Европе, а также коллекцию китайских рукописей, которой нет равных даже в самом Китае» [46, с. 181]. Разбору и анализу материалов экспедиции Пеллио уделяет немало времени и в последующие годы. В 1911 г. он возглавил незадолго до того образованную в КФ кафедру языков, истории и археологии Центральной Азии. С 1914 г. и до самого окончания первой мировой войны Пеллио находится на военной службе: офицер связи в Салониках во время Дарданеллской операции; военный атташе в Пекине (с осени 1916 г.); советник в период Сибирской кампании (1918). В 1921 г. Пеллио избран членом Французской Академии надписей и изящной словесности, в 1922 — член-корреспондентом Российской АН. С 1921 г. началась его работа в журнале «Тун бао», главным редактором которого он оставался до конца своих дней. Для русского Китаеведения ведущая роль Пеллио в этом журнале имела первостепенное значение: один из немногих европейцев той поры, свободно владевших русским языком, Пеллио внимательно следил за трудами наших ориенталистов, помещая в «Тун бао» отклики

¹ С 1970 г. Отдел рукописей Национальной библиотеки Парижа начал публикацию Каталога китайских рукописей из Дуньхуана, привезенных Пеллио [15]. К настоящему времени вышли тома I, III и IV (последний содержит описания рукописей с № 3501 по 4000). Насколько нам известно, издание завершит еще один том, куда войдет более тысячи рукописей и их фрагментов. Здесь же следует заметить, что разными аспектами богатств Дуньхуана Пеллио не прекращал заниматься и в дальнейшем. Достаточно в этой связи назвать шеститомный альбом «Пещеры Дуньхуана», публиковавшийся в 1914—1924 гг. по инициативе Пеллио [37] и переизданный затем посмертно с включением в него пояснений к иллюстрациям самого Пеллио, найденных в его архивных материалах [38].

² Эти материалы отражены в составленном Пеллио «Перечне „Коллекции Пеллио А“ и „В“ в китайском фонде Национальной библиотеки» [45], где названы 2047 сочинений, причем многие из них многотомные.

на них, а порой и публикуя в нем статьи русских китаеведов. В 1936 г. Пеллио избирается президентом парижского «Азиатского общества», в котором часто выступает и с собственными докладами.

На редкость бодрый и деятельный, Пеллио много времени уделяет зарубежным поездкам в связи с лекциями, докладами, участием в конгрессах, ознакомлением с востоковедными фондами других стран. Бостон (1921), Лондон (1923), Каир и Ленинград (1925), Нью-Йорк и Вашингтон (1926), Мюнхен (1927), Мадрид (1928), Упсала, Хельсинки, Ленинград и Пекин (1932), Китай и Япония (1933–1935), Лондон и Бостон (1936) — такова география его поездок до 1937 г.

К сожалению, пока не существует полной библиографии печатных трудов Пеллио¹; далеко не все опубликовано из его необъятного рукописного наследия². Однако с уверенностью можно сказать, что для своего времени Пеллио был самым плодовитым автором из всех ученых-востоковедов Европы.

Пеллио являет собой пример ученого-полиглота. При анализе одного какого-нибудь текста он сплошь и рядом занимался сравнением его с иноязычными версиями. Так, например, работая над переводом фрагмента «Суварнапрабхаса сутры», написанной на одном из древнеиранских языков, Пеллио сверял ее текст с китайской, тибетской, турецкой, монгольской и калмыцкой версиями [35]. Необыкновенная способность к языкам, которыми он быстро и в совершенстве овладевал, настолько расширила его возможности в переводе и критическом осмыслении исторических, философских, литературных и иных памятников древней культуры народов Востока, что его по праву называют не только китаистом, но в равной мере монголистом, тибетологом, тюркологом, индологом, иранистом. Именно этой стороной его занятий в значительной степени определяется и необъятное наследие этого выдающегося ученого, историка и лингвиста. Несмотря на множество разносторонних работ Пеллио, имеющих первостепенное значение, можно назвать некоторые из них, заслуживающие, на наш взгляд, особого внимания. Из публикаций, изданных в виде статей до 1940 г., в этой связи отметим выполненный совместно с Шаванном комментированный перевод китайского трактата о манихействе [25], который, по свидетельству Алексева, являет собой «пример исключительной эрудиции, предпосланной переводу труднейшего текста, освещающего один из самых темных уголков истории Средней Азии» [9, раздел «Исследования по истории»]³; «Два путешествия из Китая в Индию в конце VIII в.» [34];

¹ Единственной библиографией, которую нам удалось обнаружить, был перечень трудов Пеллио по буддизму, доведенный до 1927 г. и включающий 103 названия (см.: *Bibliothèque buddhique*. 1934. Т. IV–V). Весьма обильный материал к библиографии трудов Пеллио дает прежде всего специальный сборник, посвященный памяти ученого [32]. Особенно важны с этой точки зрения опубликованные в нем статьи коллег и ближайших друзей Пеллио Л. Хамбиса «Поль Пеллио и монголистика» [31], «Поль Пеллио историк и лингвист» [30] и П. Демиевиля «Научная карьера Поля Пеллио и его труды по Дальнему Востоку» [28].

² Публикация исследований Пеллио из его рукописного наследия предпринимается во Франции начиная с 1949 г. в серии «*Oeuvres posthumes de Paul Pelliot*». К настоящему времени посмертно издано немало его фундаментальных трудов.

³ В наши дни, когда ученые располагают уже множеством уникальных источников о манихействе на самых различных языках (коптском, персидском и др.), становится очевидным, какое значение имел найденный и обнародованный Шаван-

«Великие морские плавания китайцев в начале XV в.» [36]; исследование и перевод древнекитайского философского сочинения «Мо-цзы» [40]; «Монголы и папство» [41]; среди посмертно изданных сочинений — трехтомный труд «Заметки о Марко Поло» [43], «Сокровенная история монголов» [39]. По существу, каждое из посмертно изданных сочинений (а их, как отмечалось, вышло немало) представляет собой фундаментальное исследование.

Читателю будет небезынтересно хотя бы на одном примере проследить манеру и стиль, весьма характерные для трудов Пеллио. Так, при беглом знакомстве с его двухтомными «Критическими заметками по истории Калмыкии» [42] видим, что само исследование, составляющее содержание первого тома, озаглавленного «Текст», занимает 44 страницы; последующие 55 страниц — это набранные петитом комментарии Пеллио к его исследованию. Таких комментариев 348, и почти каждый пестрит отсылками к тексту разноязычных памятников и публикаций. Второй том, «Генеалогические таблицы», состоит из трех невероятно длинных, сложенных много раз гармошкой листов, на которых воспроизводятся схематически генеалогические древа трех западномонгольских (калмыцких) племенных князей. Несомненно, рассмотренную выше работу акад. Алексеев оценил бы точно так же, как и прочие труды Пеллио: «Все та же картина: сильная, в полном расцвете научная продукция, не имеющая равной; широта интересов, невиданная в синологии; точность, впервые ставящая синологию в ряд европейских наук и выводящая ее из *extemporalia*¹» (из письма к Пеллио от 27.04.1931 г. в ответ на полученные 13 оттисков его статей).

Библиографическая оснащенность любых трудов Пеллио поражает. Множество его работ, вне зависимости от их объема, является либо библиографическими заметками, либо исследованиями по библиографии. Рассказывая о научных заслугах Пеллио, проф. П. Демиевиль справедливо замечает: «Книги и библиография были его постоянной страстью. По существу, можно даже сказать, что все его творчество — это библиография» [28, с. 44]. Как никто другой, Пеллио был знаком с фондами ведущих востоковедных библиотек многих стран мира. Что касается Европы, то их он посетил все. В письме Алексееву от 14.06.1927 г. Пеллио пишет: «Я сейчас еду в Мюнхен, где пробуду дней пятнадцать с тем, чтобы познакомиться с единственным европейским китайским фондом, который пока еще мне неизвестен. Хочу также посмотреть некоторые рукописи».

И уж если зашла речь о Пеллио как о знатоке востоковедной литературы, было бы несправедливо не упомянуть, что совместными усилиями В. М. Алексеева и П. Пеллио, организовавших книжный обмен китаеведческой литературой, восточные фонды Петербургского университета и Азиатского музея — Института востоковедения АН в свое время пополнились множеством ценных изданий на китайском, японском и европейских языках. Подбор одних лишь архивных документов, касающихся этого обмена, составил бы внушительную папку.

Как и Шаванн, Пеллио оставил после себя неисчислимое количество критических заметок, рецензий на публикации французских и зарубеж-

---

ном и Пеллио в начале века китайский текст манихейского трактата. Ныне к этому тексту стали обращаться специалисты разных стран, рассматривая и переводя его с учетом вновь обнаруженных материалов (см., напр.: [47, 48]).

¹ Учебные упражнения в переводе (лат.).

ных авторов, книжных обзоров, некрологов. Работы подобного рода составляют едва ли не добрую половину его наследия. Насколько эта часть важна для науки, можно судить по высказыванию В. М. Алексеева. Говоря о Шаванне, Пеллио и других востоковедах школы Шаванна, Василий Михайлович свидетельствует: «Некоторых из них упрекают за видимую мелочь сюжета, выбираемого для исследования. Однако в науке хорошо разработанная деталь стоит больше, чем огромное исследование, покоящееся на недостаточно разработанных деталях» [9, раздел «Исследования по истории»].

Можно было бы еще много рассказывать о непревзойденных заслугах Поля Пеллио перед мировым востоковедением. Сохранившаяся, к счастью, в алексеевском архиве его «Записка о научной деятельности чл.-корр. АН СССР и д. чл. Французского института Поля Пеллио (Paul Pelliot)» избавляет автора от подобной необходимости. Краткое отступление: в августе-октябре 1937 г. НКВД арестовал замечательных ученых, профессоров ЛГУ, лучших учеников акад. Алексеева — Ю. К. Щуцкого 2 августа, Б. А. Васильева 6 сентября, Н. А. Невского 4 октября. 7 октября 1937 г. В. М. Алексеев пишет в дневнике: «(...) после потрясений, идущих крещендо, очевидно, до окончательной катастрофы, работа падает из рук» (см.: [11, с. 106]). Тем же 7 октября 1937 г. датирована вышеназванная «Записка» (см. Приложение 2 к настоящей статье), адресованная, по всей видимости, в Президиум АН СССР. Можно предположить, что в это время Академии наук было предписано пересмотреть состав своих здравствующих иностранных членов под характерным для политического момента углом зрения. Остается только восхититься человеческим мужеством и научной принципиальностью акад. Алексеева: в это страшное время, когда один за другим исчезали его друзья, коллеги, ученики, когда никто не был уверен в своем завтра, а над головой самого академика, чья книга «*La littérature chinoise*» [14] именно в этом году вышла в Париже, тучи сгущались уже совершенно «по заслугам», русский ученый дал блистательную характеристику европейскому «буржуазному» ориенталисту, не унизив себя и тенью угодливой осторожности!

Приложение 1 *

Записка об ученых трудах профессора Эдуарда Шаванна

Эдуард Шаванн (Edouard Schavannes) справедливо считается самым выдающимся синологом настоящего времени как по глубине своих знаний, так и по широте своих научных интересов. Вполне сознавая все характерные особенности китайской цивилизации, он, однако, признает необходимым ее изучение наряду с другими цивилизациями и теми же научными приемами. В своих многочисленных переводах китайских источников он исходит из единственно справедливого убеждения, что хороший перевод с китайского должен быть общепонятен, отличаясь от многих выдающихся синологов, переводы которых нуждаются в новом переводе

* Текст Приложений 1 и 2 воспроизводится с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала.

и дѣлаютъ столь затруднительнымъ пользованіе китайскими источниками для несинолога.

Шаваннъ началъ свою дѣятельность дипломатомъ въ Китаѣ, откуда былъ вызванъ въ Парижъ для занятія кафедрой въ Collège de France, которую онъ занимаетъ и до сихъ поръ. Кромѣ Collège de France, онъ преподавалъ въ École des Hautes Études и участвовалъ своими совѣтами и указаніями въ постановкѣ превосходной École Française de l'Extrême Orient, которая является лучшимъ разсадникомъ специалистовъ по Дальнему Востоку. Шаваннъ обладаетъ совершенно исключительной способностью работать быстро: его умъ, чрезвычайно систематическій и точный, позволяетъ ему вести работу съ рѣдкою интенсивностью, и списокъ его изданныхъ трудовъ чрезвычайно великъ. Мы остановимся здѣсь лишь на нѣкоторыхъ главнѣйшихъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ монументальный трудъ, начатый восемнадцать лѣтъ тому назадъ, и пять томовъ котораго уже появились. Это переводъ съ обширными примѣчаніями знаменитаго историческаго труда Сы-ма-цяна. (*Les Mémoires Historiques de Se ma ts'ien traduits et annotés. 1895—1905. 5 volumes*). Трудъ этотъ представляетъ собою исключительную важность для изученія исторіи Китая.

Древности Китая и археологія обратили на себя особенное вниманіе Шаванна, и имъ онъ посвятилъ рядъ работъ, изъ которыхъ мы назовемъ «*La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han. Paris 1893*»; здѣсь описаны и тщательно изслѣдованы древнѣйшіе изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ китайской скульптуры, на которыхъ еще совершенно не замѣтны слѣды индійскаго вліянія. Научная экспедиція въ Сѣверный Китай, которою онъ дополнилъ въ многомъ наше знакомство съ древнѣйшимъ китайскимъ искусствомъ, дала поразительные результаты по отношенію къ китайскому буддійскому искусству, указавъ на чисто индійскія основы этого древнѣйшаго искусства, которое затѣмъ пошло совершенно самостоятельнымъ путемъ. Два превосходныхъ атласа таблицъ этой экспедиціи изданы въ 1909 г. (*Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale*).

Китайскому искусству Шаваннъ посвятилъ рядъ статей, преимущественно въ редактируемомъ имъ *T'oung Pao*, и въ 1913 г. напечаталъ какъ первый томъ *Ars Asiatica* вмѣстѣ съ R. Pétrucci «*La peinture Chinoise au Musée Sernusch i en 1912*».

Вопросамъ мѣстныхъ и общихъ культовъ посвящена монографія «*Le T'ai-chan. Essai de monographie d'un culte Chinois*», Paris 1910 и «*Le traité sur les sacrifices Fong et Chan de Se ma t'sien traduit en Français*» J. P. O. S. 1890.

Шаванну принадлежитъ главное мѣсто, на ряду съ проф. С. Леви, въ использованіи китайскихъ источниковъ для исторіи буддизма. Только благодаря ихъ трудамъ стало возможнымъ изучать надлежащимъ образомъ развитіе буддизма за прѣделами Индіи и выяснить много важныхъ вопросовъ по исторіи буддизма. Кромѣ ряда статей, Шаваннъ издалъ надписи китайскихъ паломниковъ въ *Bodh-Gayā*, перевелъ съ обстоятельными примѣчаніями путешествіе китайскаго паломника Сун-юна и книгу И-цзина («*I-tsing. Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans les pays d'Occident. Traduit en français*», Paris 1894), явившись въ этомъ отношеніи достойнымъ преемникомъ С. т. Жюльена, извѣстнаго переводчика біографіи и путешествія знаменитаго паломника Сюан-цзана.

Когда Академія Наукъ въ связи съ трудами Орхонской экспедиціи пожелала объединить китайскія свѣдѣнія о великой Турецкой Имперіи, то Шаваннъ немедленно отозвался прекраснымъ трудомъ, изданнымъ нашею Ака-

демією въ 1903 году (Documents sur les Tou-Kuie (Turcs) occidentaux). Все вышеуказанное побуждаетъ насъ представить профессора Э. Шаванна къ выбору въ члены-корреспонденты Академіи.

В. Радловъ. К. Залеманъ. Сергій Ольденбургъ.

Протокол заседания Историко-филологического отделения РАН от 20 ноября 1913 г.
(Приложение к параграфу 505)

Приложение 2

Записка о научной деятельности чл.-корр. АН СССР, профессора и д. чл. Французского Института Поля Пеллио (Paul Pelliot)

Профессор Пеллио является самым крупным из всех синологов, когда-либо бывших в Европе и когда-либо писавших на не-китайском языке, да и среди китайцев-китаистов он завоевал себе столь почетное место (его труды по синологии постоянно переводятся на кит. яз.), что говорить о нем следует как о китаисте абсолютно мирового размаха.

И прежде всего, проф. П. — синолог необыкновенной эрудиции, употребивший на ее приобретение все свои гениальные дарования, в том числе и работоспособность совершенно небывалую в истории синологии.

Далее, он дал нашей науке впервые самый совершенный, дотоле неизвестный и недоступный филологический метод исследования китайского текста, сделав синологию во всех статьях, и особенно в статье ее филологии, наукой вполне передовой, а не любительской, каковой она в известной степени была до него.

Затем, проф. П. дал миру невиданный пример сиолога, исследующего на основании синологических данных проблемы истории Средней Азии, которые далеко выходят за пределы обычной синологии.

Проф. П. являет к тому же пример редкого и исключительного научного полиглотизма, владея как исследователь Средней Азии арабским, персидским, турецким, монгольским, санскритским, тибетским, согдийским и другими языками Ср. Азиатских культур, и особенно монгольским, причем в такой степени, что назвать его лидером монголистики в Европе не будет вовсе преувеличением.

Не стоит, наряду с вышеизложенным, упоминать о том, что проф. П. владеет всеми языками Европы, на котором пишет синология, в том числе и русским, который он знает в совершенстве, как никто из европейских китаистов. Его положение о том, что русский китаист Палладий Кафаров является для XIX века самым мощным из всех европейских, им пропагандируется повсюду, в том числе и при обзоре русских работ недостаточной квалификации («La Russie est le pays de Palladius et la noblesse oblige»¹).

Акад. В. Алексеев

7 октября 1937

(А. Фонд 820, оп. 1, ед. хр. 607, л. 1 и 1 об.)

¹ «Россия — страна Палладия, а это ко многому обязывает» (франц.).

Приложение 3

Из писем В. М. Алексеева к Эдуарду Шаванну
(публикация, перевод с французского и примечания
И. Э. Циперович)¹

От публикатора

Василий Михайлович Алексеев был человеком необычайно деятельным, в высшей степени организованным, дружелюбным и чутким к нуждам других. Неизменно и своевременно откликался он на обращенные к нему просьбы и запросы, в какой бы форме и от кого бы они ни исходили. Общение путем переписки занимало у академика массу времени; число его корреспондентов приближалось к семистам. Подавляющая часть этой переписки с отечественными и зарубежными корреспондентами хранится ныне в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, где в фонде Алексеева (Фонд 820) его корреспонденция выделена в отдельный раздел (Опись 3). По понятным причинам основную долю из многих сотен единиц хранения этого раздела составляют письма, адресованные В. М. Алексееву. Что касается писем самого Василия Михайловича, то большая их часть оказалась рассредоточенной по личным архивам его корреспондентов, в разных государственных архивах или (увы!) вообще безвозвратно утерянной. Так в вышеназванном архиве находим 16 писем Шаванна и 67 писем Пеллио, адресованных Алексееву, и черновики всего лишь двух писем Алексеева к Шаванну. Надо сказать, что в зарубежной корреспонденции Алексеева едва ли не первое место занимает его переписка именно с французскими ориенталистами. Помимо писем Шаванна и Пеллио, сохранились адресованные Василию Михайловичу письма учеников Шаванна (П. Демиевиля, А. Масперо, М. Гране) и многих других французских ученых. Однако писем самого Алексеева к ним оказались лишь считанные единицы.

Несколько лет тому назад автору данной публикации удалось разыскать в Париже, в Национальном музее азиатских искусств — Гимэ (Musée National des Arts Asiatiques — Guimet), 26 писем В. М. Алексеева к Эд. Шаванну и 91 письмо к П. Пеллио. Письма эти были обнаружены в архиве корреспонденции, адресованной Шаванну и Пеллио, который хранится в библиотеке Музея Гимэ. Дирекция Музея любезно предоставила мне копии этих писем, равно как право их перевода на русский язык и публикации в России. Как уже отмечалось, Центр «Петербургское востоковедение» планирует издание собрания этих писем. Шесть из них предлагаются вниманию читателя.

¹ Предлагаемые читателю письма избраны из готовящегося к изданию Центром «Петербургское востоковедение» собрания: «В. М. Алексеев. Письма к Эдуарду Шаванну и Полю Пеллио (публикатор и составитель И. Э. Циперович)». Первое письмо к Шаванну в названном издании датируется 18 апреля 1905 г., последнее — 6 декабря 1917 г.

«Hôtel de l'Academie»
2 Rue Perronet
Paris 7^e
Воскресенье 11 июня 1905¹

Уважаемый господин Шаванн,

Бесконечно сожалею, что не имел возможности сердечно поблагодарить Вас за Ваш отгиск со столь любезным автографом. Не смог сразу же Вам ответить, так как собирался попрощаться с Вами в тот же день, когда получил бандероль. Но целый ряд обстоятельств задержал меня, и я смог отправиться в Fontenay² только вчера.

Благодарю Вас, господин Шаванн, за целый ряд любезностей, которые Вы мне оказали. Полагаю, что сейчас представился прекрасный случай засвидетельствовать здесь, что я усиленно опираюсь на Ваш метод исследований и синологических штудий и что буду следовать Вам всеми своими силами. Переход от скептицизма, без основания и без просвета, без меры и позитивных надежд, который царит в нашей русской школе китаеведов (Факультет восточных языков Петербургского университета) и который обязан своим происхождением покойным господам Васильеву и его ученику Ивановскому³, этот переход — я повторяю — от столь злополучного скептицизма к столь смелому поощрению исследований, которое я нашел с Вашей стороны, оказал на меня большое влияние. Мне остается лишь глубоко сожалеть, что не дал Вам повода составить более положительное мнение относительно моих убеждений и научных взглядов. И все же я считаю, что роль, которую сыграли Ваши лекции⁴ в формировании моих будущих взглядов и в направлении моей предстоящей деятельности, окажется весьма существенной. Именно поэтому я позволяю себе честь называть себя Вашим учеником. Кроме того, Вы дали мне многие идеи, которые будут направлять мой дух, трудолюбивый и сомневающийся, и я буду счастлив, если когда-нибудь смогу оказать подобную же услугу другим, моим ученикам.

Заверяю Вас в глубоком уважении, восхищаюсь Вами как лектором и ученым и желаю Вам полных сил и доброго здоровья — условий, необходимых для продолжения всего того, за что Вы уже взялись, и для того, чтобы новые Ваши идеи и концепции блистали в истории синологии.

Весьма преданный Вам Василий Алексеев

¹ Как известно, В. М. Алексеев с июня 1904 г. по июнь 1906 г. находился в Европе, куда был командирован Петербургским университетом для подготовки к профессорскому званию и методического совершенствования. Данное письмо написано перед отъездом из Парижа в Лондон.

² Fontenay-aux-Roses — пригород Парижа, где жил Эд. Шаванн.

³ Будучи в 1898—1902 гг. студентом факультета восточных языков Петербургского университета, Василий Михайлович успел еще застать лекции знаменитого востоковеда, главы первой русской школы китаеведения академика Василия Павловича Васильева (1818—1900) и доктора китайской словесности Алексея Осиповича Ивановского (1863—1903).

⁴ Имеются в виду лекции Шаванна, которые В. М. Алексеев прослушал в летние семестры 1904/05 г. в Париже, в Коллеж де Франс.

Upper Bedford
Russel Sg. W. C.
London
14 ноября 1905

Уважаемый господин Шаванн,

В письме, отправленном Вам в июле, я написал все, что мог, о том, как продвигается моя работа. Я посчитал à priori¹, что это может Вас интересовать, и теперь с радостью узнал от господина Вознесенского², который передал мне Ваши любезные слова, что так оно и есть. Я бесконечно признателен Вам за Ваше (...) ³ и позволю себе удовольствие Вам (...) еще новости, касающиеся моей работы.

Чтобы суметь заняться (...) серией даосских талисманов, как например 太上咒曰天元 или 雷霆, я решил разобраться в даосизме вообще по тем сведениям, которые дает на этот сюжет европейская литература, и составить основное представление о даосизме (...). В результате я потерялся в (...). Все сведения, которые я к настоящему времени собрал, ни в коей мере не представляются мне достаточными. (...).

Итак, план моей работы состоял в следующем: 1) Составить надлежащее и предварительное представление (...) в Китае; 2) (...). Написать историческое введение о 3) Фольклоре (...). Британский музей дает мне возможность изучить непосредственно и в самых благоприятных условиях все, что я пожелаю. Я прочел или увидел множество книг, о существовании которых и не подозревал. Заняло бы слишком много места — я в этом уверен — перечислять здесь все, что мне удалось просмотреть, с чем удалось познакомиться; или, скорее, это было бы и бесполезно, поскольку Вам известны все источники для подобного исследования. Могу с уверенностью сказать, что если я прежде всего задамсь целью систематически и углубленно исследовать материал в той или иной области синологии, нежели написать хорошую работу, то, надеюсь, результат будет хороший. Поскольку время моей командировки продлено до июля 1906 г., я собираюсь продолжить занятия над своей темой⁴. Хочу перевести мои надписи, стремясь сделать перевод научным, точным и ловким, а также прокомментировать его на основании всего того, что оказалось мне доступным. При этом я стараюсь переводить китайские поэтические строки на надписях, сохраняя их ритмику, — вещь не очень трудная для русского языка, столь эластичного для тех, кто им хорошо владеет. Таким образом, я делаю все, что только в моих силах, чтобы мои знания созрели до уровня языка и мышления народа, придавая тем самым моей работе характер добросовестный и приятный. Если я закончу в феврале, то два месяца проведу в Париже, посещая Ваши лекции в Коллеж де Франс и одновременно завершая мою работу. Меня торопят поехать в Китай сразу же после возвращения в Россию, — но это как раз то, что мне особенно приятно и что я сделаю с боль-

¹ Заранее (лат.).

² Скорее всего, речь идет об Арсении Николаевиче Вознесенском (1881 — ?), выпускнике факультета восточных языков Петербургского университета, китаеведе и японисте, который одновременно с В. М. Алексеевым был командирован университетом в Англию и во Францию.

³ Письмо написано на тонкой бумаге бледными чернилами, поэтому копия получилась почти слепая, в ряде мест текст вообще не пропечатался. Подобные места здесь и далее обозначаются многоточием, заключенным в угловые скобки.

⁴ Подразумевается изучение китайских монетовидных амулетов и их истории, описание их и перевод надписей на них.

шим удовольствием, если мои семейные обстоятельства мне это позволят. Никогда я так много не работал, как теперь. И это единственное, что мне остается, так как вести с родины разрывают мое сердце и лишают меня возможности получать удовольствие от жизни. Будучи верным сыном своей страны, я искренне и твердо верю в будущее России. С русским умом, единственный недостаток которого заключается в отсутствии гибкости применительно к делам обычной повседневной жизни; с русским сердцем, богатым порывами, которые ведут к истинным ⟨...⟩, и с русским идеализмом, как правило, значительным, ⟨...⟩ смелым, — можно прийти ко всему, что только можно вообразить в прогрессе человечества. Я ⟨...⟩ верить, что все те, кто знают мою страну, умеют предвидеть ее роль в истории общества и могут ⟨...⟩ сравнить с другими, ⟨...⟩ всегда разделят со мной эту веру ⟨...⟩.

Заканчивая это письмо, спешу извиниться перед Вами, милостивый государь, за стиль как таковой и за шокирующие ошибки. Я постоянно пользуюсь английским, и — как это ни горестно признать — мне не представляется случай ни говорить, ни писать по-французски.

С самым низким поклоном госпоже Шаванн, шлю Вам, уважаемый господин Шаванн, слова благодарности за все те идеи, которые я воспринял в Коллеж де Франс и которыми ныне руководствуюсь, и прошу считать меня Вашим преданным учеником.

В. А.

Б. Разночинная, 6
С.-Петербург
8 января 1911

Мой дорогой господин Шаванн,

Я, право, был очень рад получить Ваше письмо от 3 января. Бесконечно благодарен Вам за Ваше такое благосклонное внимание (в котором Вы никогда мне не отказывали) и особенно за Ваши пожелания и подарки. Что касается меня, то я совсем не нахожу слов, чтобы выразить мои пожелания. Они очень искренние, но не многословные, поскольку не вижу ничего из того, чего бы Вам нехватало. Само собой разумеется, что все эти нападки (очень подлые и очень глупые), судя по тому, что я увидел в статье Фарженеля¹, никогда Вас не обескуражат. Вы, кто сделал столько для синологии, не должны бояться кого-то, кто все свои усилия направляет на поиски в словаре Куврера [27] значения китайских слов, которые ⟨...⟩ отличались бы от Ваших (т. е. предложенных Вами в Вашем переводе. — *И. Ц.*). Есть слова, имеющие сто различных значений — прекрасно — что же из этого? Право же, весьма забавна сия атака! Возможно, за неимением достаточной практики во французском разговорном и письменном, я изъясняюсь слишком плохо. Но, поскольку Вы способны расшифровать даже китайский язык монгольских канцелярий, может быть, и мой французский стиль в изложении русской мысли также окажется Вам понятным!

В нашей монархической стране не представляется возможным столь легко ниспровергнуть широко признанные заслуги ученых. Судя по тому, что мне

¹ Фернан Фарженель (Farjenel Fernand, ?—1918) — французский профессор-китаевед. Не раз выступал публично и печатно с критикой трудов Шаванна. В данном случае речь идет о большой статье Фарженеля 1910 г. [29], где он в грубой форме критикует шаванновский перевод юньнаньских надписей [23]. На этот выпад Шаванн тут же ответил краткой репликой в «Journal asiatique» [22].

говорил г-н Ольденбург¹, Фарженель и К^о предпринимают весьма серьезные демарши, чтобы лишить Вас (имея в виду академических востоковедов Парижа) возможности продолжать азиатские исследования. Поэтому мне вполне понятна поспешность Вашего ответа, которого я с нетерпением ожидаю и за который заранее Вас благодарю.

Ныне у нас в Университете стоит вопрос о радикальном изменении в программе наших курсов по китаеведению. Разрешите мне адресовать Вам нижайшую просьбу оказать любезность и высказать свое мнение относительно программы, которую я составил и собираюсь представить на Факультете восточных языков. С моей точки зрения, университетские дисциплины как таковые должны превалировать над остальными. Но у нас здесь имеются определенные традиции, которые обязывают меня учитывать еще и другие вещи — и это помимо моей воли. Вот эта программа.

А. Курсы пропедевтические (подготовительные)

1-ый год

1. Общее введение в изучение китайского языка (я и Иванов ²)	2 лекции
2. Фонетический курс. Изучение звуков пекинского диалекта в сравнении со звуками других диалектов, а также с другими языками Азии и Европы. Фонетические тексты	1 л.
3. Грамматика китайского разговорного и письменного языков. Параллельные тексты китайского письменного и разговорного в сравнениях и объяснениях	2 л.
4. Особые тексты, представляющие собой промежуточный вариант между китайским разговорным и письменным (как, например, 今古奇觀 [Цзинь гу цигуань]) ³	1 л.

2-ой год

1. Первые сведения о 通鑒 [Тун цзянь].	1 лекция
2. 左傳 [Цзочжуань] и образец китайского «прагматизма» (например, 東萊博議 [Дун-лай бо и] в качестве текста ясного и понятного начинающим европейцам)	1 л.
3. Исторический роман (как, например, 三國志演義 [Сань го чжи яньи]).	2 л.
4. Роман изящный и нетрудный (紅樓夢 [Хун лоу мэн]).	1 л.
5. 今古奇觀 [Цзинь гу цигуань]. Продолжения и 聊齋志異 [Ляо Чжай чжи и]	1 л.
6. Стиль эпиграфический (в особенности 對聯 [дуйлянь] и 橫批 [хэнпи]) ¹	1 л.

¹ Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — академик, вице-президент РАН (1904—1929), виднейший индолог и специалист по буддизму, широко известен как организатор и историк отечественного востоковедения. Часто бывая в зарубежных командировках, С. Ф. Ольденбург был лично знаком с Шаванном и другими французскими ориенталистами, время от времени работая с некоторыми из них в соавторстве.

² Алексей Иванович Иванов (1878—1937) — профессор факультета восточных языков Петербургского ун-та и ряда востоковедных институтов Петербурга; специалист по истории китайской философии, китайскому и маньчжурскому языкам.

³ Сочинения, названные здесь и далее в программе В. М. Алексева, для китаистов не нуждаются в комментировании. Тем не менее интересующийся найдет почти для каждого из них краткие пояснения в книге Алексева «Наука о Востоке», пользуясь при этом составленным В. В. Петровым «Указателем названий книг, произведений, журналов, издательств» [6, с. 515—520].

Б. Специальные курсы

3-ий год

1. 書經 [Шуцзин]	1 лекция
2. 司馬遷 [Сыма Цянь] ²	1 л.
3. 通鑒 [Тун цзянь]. Продолжения	1 л.
4. Современные исторические тексты (как, например, [Шэн-у цзи])	1 л.
*5. 孟子 [Мэнцзы]	2 л.
6. 詩經 [Шицзин] и китайская поэзия	1 л.
7. История китайской литературы	
а) древней (мой курс)	
б) современной (Иванов)	
8. Предварительные сведения о китайском фольклоре	1 л.
9. Стиль письменного китайского языка наших дней	1 л.

4-ый год

*1. 論語 [Лунь юй]	2 л.
2. Религиозные тексты	2 л.
3. Тексты философские пост-канонические	1 л.
4. Поэзия периода Тан и произведение 司空圖 [Сыкун Ту] (Поэтические категории) ³	1 л.
5. Изящная и философская проза 古文 [гувэнь] и подражания ей при Тан и Сун	1 л.
6. История китайской литературы (продолжение)	
а) древней (мой курс)	1 л.
б) современной (Иванов)	1 л.
*7. Официальный стиль и договоры	4 л.

Лектор-китаец составляет свой курс в соответствии с нашими указаниями, три раза в неделю.

Звездочками я отметил курсы г-на Попова⁴, которые не представляются мне приемлемыми ни в принципе, ни с точки зрения отведенных на них часов.

Буду, конечно, очень Вам признателен, если Вы согласитесь высказать свое мнение по поводу этой программы и дать мне указания своими советами. Можно ли рассчитывать на учащегося, который хорошо освоил тексты и дисциплины, указанные в программе? Надо ли что-либо исключить или добавить? Не будет ли у Вас еще какого-либо соображения на этот счет?

¹ Каллиграфически исполненные надписи (поэтические строки, речения и проч.) или живопись, украшавшие интерьер, ворота, входы в храмы. В отличие от дуйляней — параллельных свитков, всегда развертываемых вертикально, хэнпи или хэнфу развертываются на поверхности горизонтально.

² Сыма Цянь (145?—87? г. до н. э.) — автор первой знаменитой династийной истории Китая «Записи историка» 史記 (Ши цзи), последовательно излагающей историю Китая с древнейших времен до I в. до н. э.

³ Оригинальное название сочинения Сыкун Ту (837—908) — 詩品 (Ши пинь). Этот литературный памятник стал предметом монографического исследования В. М. Алексеева, опубликованного в 1916 г. под названием «Китайская поэма о поэте» [5] и блестяще защищенного им в качестве магистерской диссертации в том же году.

⁴ Павел Степанович Попов (1842—1913) — ученик академика В. П. Васильева. С 1902 г., после тридцати лет дипломатической службы в Пекине, приват-доцент кафедры китайской и маньчжурской словесности факультета восточных языков Петербургского университета; автор ряда учебных пособий.

Сожалею, мой дорогой господин Шаванн, что неприятная история, о которой Вы мне сообщили, заставляет Вас терять драгоценное время — но, несомненно, пора положить конец подобному авантюризму.

Предложив Вам такую большую порцию моих новостей, я все же рассчитываю, что Вы не будете на меня слишком сердиться.

Желаю Вам тысячу хороших вещей в Новом Году и заверяю Вас в моей глубокой симпатии и искреннем уважении.

Вас. Алексеев

P. S. Прилагаю еще одну работу по фонетике, опубликованную Академией наук¹.

С.-Петербург

Б. Разночинная, 6

27 декабря 1911 / 9 января 1912

Мой глубокоуважаемый господин и учитель,

Уже очень давно я испытываю жгучее желание написать Вам. Между тем целый ряд весьма неприятных обстоятельств и мои собственные утомительные дела заставляли меня откладывать письмо на другой день, который наконец вот и наступил. Ваш курс, так прекрасно сделанный, навсегда останется в моей памяти. Спасибо, огромное спасибо за все, о чем Вы говорили этой весной (1911, я имею в виду наш стиль) на Ваших лекциях. Я обрел прекрасный материал для синтеза моих идей.

Чем Вы сейчас заняты? Завидую Вашей неиссякаемой энергии, которая приводит Вас к вершинам научных познаний. Мне остается только весьма сожалеть, что не могу постоянно приезжать в Париж, чтобы доставить себе удовольствие слушать Вас. Ваше влияние прекрасно чувствуется — и не Ваша вина в том, что некоторые из Ваших учеников не оправдывают того, что Вы в них вложили.

В настоящий момент я погружен в 司空圖 [Сыкун Ту]². Делаю работу, где на каждом шагу приходится углубляться, объявляя и вступая в войну со словарями, и черпать свою интуицию в контекстах, взятых из *Пэй вэнь юнь фу*³. Таким образом, нет ничего удивительного, что за месяц я делаю всего лишь несколько страниц. Все приносится в жертву этой области моих занятий. Я уже ничего не понимаю из того, что творится сейчас в Китае, забываю даже о потребностях сегодняшнего дня. Увы! Как я ни стараюсь Вам подражать, ничего у меня не получается: остаюсь «onesided»⁴, как удачно выражаются англичане.

Хочу попробовать читать новый курс в Университете — параллельные тексты, объясняя и показывая на них различия между языками, которые я называю: классическим, средне-литературным и разговорным (последний транскрибируется фонетически). Я не решаюсь говорить категорически об этом различии, которое иногда представляется мне слишком слабым, чтобы дать ему точное определение. Но начать следует. Все мои студенты сильно страда-

¹ Имеется в виду статья «Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом» (1906—1909) [10].

² Об этой работе см. примеч. 3 к предыдущему письму.

³ 200-томный словарь «Сокровищница рифм с приложением литературных текстов» (XVIII в.) — уникальное пособие для прослеживания литературных цитат, материал в котором расположен по системе китайских рифм.

⁴ Односторонний, однобокий (англ.).

ют от нерешительности, когда им приходится выбирать то или иное значение иероглифа.

Есть масса вещей, которыми я хотел бы с Вами поделиться. Разумеется, я никоим образом не могу развернуть все это здесь перед Вашими глазами. Тешу себя надеждой получить от Вас весточку и узнать наконец, над чем Вы сейчас работаете. Не держите же, прошу Вас, Вашего ученика в состоянии разобщенности и удрученности.

С самыми искренними пожеланиями Вам, госпоже Шаванн и всей Вашей семье. Заверяю Вас, господин Шаванн, в моих чувствах, настолько преданных и искренних, что я не смогу их с точностью передать на языке, который, увы, является для меня иностранным.

В. Алексеев

С.-Петербург
Петр. ст., Большой пр. 1
10 ноября 1913

Мой дорогой Учитель,

От всего сердца благодарю за присланный мне Ваш драгоценный том, в котором Вы мастерски рассматриваете сюжет первостепенной важности¹, и особенно за «большое будущее», которое Вы мне прочите, — этого как раз 小子向敢哉²?! Сверх того, в Вашей весьма любезной открытке Вы говорите мне вещи, самые приятные на свете, а именно, что Вы еще сохранили добрую память о нашем путешествии³, которое несомненно — и я все время об этом твержу — во всем пополнило то знание китайского языка, коим я ныне обладаю, и которое одновременно доставило мне истинное наслаждение быть в непосредственном контакте с Вами, единственным учителем, столь глубоко мною ценимым. Для меня было настоящим счастьем слушать Вас, шагая рядом с мулами и тележками, и с радостью воспринимать Ваш образ мысли, весьма уверенный и искренний. Я, конечно, на всю жизнь сохраню воспоминание об этом незабываемом путешествии, которое мне всегда будет приятно воскрешать в памяти. Как я Вам уже не раз писал, мне по-настоящему больно сознавать абсолютную невозможность поехать в Париж, где бы я мог еще и еще раз слушать Вас в Коллеж де Франс, поскольку Ваша непрерывная работа, без сомнения, ставит Вас выше любых успехов Ваших учеников, коим никогда не достичь знаний, которыми Вы обладаете и которые постоянно совершенствуете. Мне всегда тяжело сознавать, что я еще ничего достойного не опубликовал, и потому, если исходить из Вашего вердикта, о котором я прекрасно помню, я нахожусь сейчас на нуле — и сие чистейшая правда. Этот плачевный факт я объясняю тремя обстоятельствами. Вот они. Прежде всего, мои литературные способности определенно слабы. Мне не нравится то, что я пишу, и я все это рву с тем большим удовольствием, что не успел еще отправить материал в типографию. Мои каталоги и описания скорее являются результа-

¹ Скорее всего, речь идет о первом томе издания, посвященного материалам археологической экспедиции Шаванна в Китай (1907 г.) [19]. В этом альбоме воспроизводятся более пятисот фотоснимков ценнейших произведений скульптуры периода Хань.

² Смею ли я быть достоин?! (старинное китайское литературное выражение).

³ Встретившись со своим бывшим учеником в 1907 г. в Пекине, Шаванн охотно откликнулся на просьбу Алексеева включить его в состав археологической экспедиции. Весь дальнейший путь экспедиции Алексеев прошел вместе с Шаванном. Об этом путешествии см. дневниковые записи В. М. Алексеева [2].

том моей обязательной работы в Музее¹, нежели моими самостоятельными идеями и мыслями.

Во-вторых, работа над Сыкун Ту, которой я занимаюсь, и притом достаточно усердно, отнимает весь остаток моего времени. Наконец, — и это наиболее существенно, — на преподавание уходит количество часов отнюдь не малое. Разрешите рассказать Вам, что нового я предпринял в этом году.

Прежде всего я занимаюсь толкованием ... Лао-цзы². Дерзость, которую я позволил себе, взявшись за текст Ли Даня, оправдана лишь одним доводом, и состоит он в следующем. Возможно ли — задал я себе вопрос этим летом — полностью оставить в стороне произведение, которое, вне всякого сомнения, занимало высокие умы Китая на протяжении всех веков? Можно ли действительно молчаливо пройти мимо бессмертного и первого источника всех этих мистических и труднодоступных пониманию европейцев понятий, как, например, 造化, 渾, 濁 (無各), 無爲, 自然, 愚 (положительное качество) и т. д. и т. п. И прежде всего сама парадоксальная идея 道 [Дао]! Не лучше ли продемонстрировать студентам все эти идеи на их исконном месте, нежели одно за другим пояснять их в иных различных местах, перегруженных множеством других мотивов и сюжетов?

Таким образом, я решил приняться за курс о Лао-цзы, где будет изложена критическая история изучения Лао-цзы, а также история самого текста и комментариев к нему, в первую очередь комментария 吳澄 [У Дэна]³, который представляется мне наиболее объективным по сравнению с другими. Затем я хочу рассмотреть главы I, XIV и XXXV источника, постоянно пользуясь комментариями У, Се и Вана⁴ и уделяя особое внимание изучению контекстов Дао в соответствии с систематической кодификацией, которую я составил для синтеза этих отличных друг от друга понятий. Таким путем я собираюсь научить студентов IV-го курса, как им следует пользоваться китайским комментарием (то, что им в высшей степени трудно) и как проникнуть в суть глубокого понятия Дао в различных текстах. Надеюсь, что все это даст студентам достаточную подготовку, чтобы дальнейшую работу они смогли выполнять самостоятельно. Именно такова, если я в этом не ошибаюсь, моя цель как преподавателя.

Второй «ключ» моей программы составит Введение в изучение китайского языка, которое будет заключаться в нижеследующем. Основной принцип преподавания на нашем Факультете, суть которого расширить кругозор студентов за счет изучения текстов, что научит их со знанием дела судить о культуре, весьма развитой и весьма отличной от других. Где границы нашего знания китайского языка? Что в конце концов предпочтительнее: точное знание (недостижимое за четыре года обучения) или ясное представление о многовековой

¹ С 1902 г. по 1907 г. у Алексева выходили труды с описанием книжных коллекций Азиатского музея и нумизматических коллекций Эрмитажа (см. «Аннотированную библиографию трудов академика В. М. Алексева и литературы о нем», составленную В. В. Петровым [13, с. 163—164]). Напомним, что в те годы В. М. Алексева был внештатным сотрудником Азиатского музея и Эрмитажа, где занимался разбором и описанием различных китайских коллекций; в 1913 г. он был назначен младшим штатным ученым хранителем Азиатского музея.

² Лао-цзы (Ли Дань, VI в. до н. э.) — родоначальник древнего даосизма. По преданию, памятник даосизма «Дао Дэ цзин», трактующий о Дао (Пути) и Дэ (форме проявления, приложения Дао), представляет собой текст, прочитанный Лао-цзы и записанный со слуха.

³ Известный ученый и комментатор (1249—1333).

⁴ Имеются в виду У Дэна, Се Хуй (XVI в.) и Ван Би (226—249).

культуре? Что такое язык вообще и китайский язык в частности? Языком нельзя овладеть без высокой степени умственного развития. Методы изучения китайского языка. Его специфические особенности (картина, не прерывающаяся на протяжении 4000 лет). Точное определение китайского разговорного и литературного языков. Несколько литературных языков: архаический, античный (классический), античный разившийся (古文 [гувэнь]), схоластический (藝文 [ивэнь]), литературный общеупотребительный (официальный), современный. Почему изучение китайского языка легче для европейцев? Почему наоборот? Знаменитый парадокс относительно «отсутствия грамматики» (ответ потребует много времени). Совершенно особая трудность в изучении китайского текста (то есть трудность в обладании тем же фондом, каким располагает эрудированный китаец). Лимиты перевода. Перевод и парафраз. Ритмика и ее существенная роль при изучении китайских текстов. Отсутствие пунктуации и как это сказывается на понимании текстов. Восприятие китайского языка на слух и его пределы. «Фонд» языков. Наши заимствования из *других* языков и заимствование китайского из собственного языка предшествующего периода. Примеры: 立憲, 組織, 文明, 革命, 維新 и т. д. «Фонд» китайского языка. Примеры: 麟經, 周易, 七步, 班馬, 李杜, 歸趙之曰, 年僅而立 и т. д. «Фонд» русского языка (экстенсивный). Теория китайских цитат, формирующих экстралитературный язык. Влияние европейского претенциозного текста на образование китайского эрудита (полная аналогия). Методы дешифровки «плотного и глубокого» китайского текста. Цитаты, составляющие собственные имена в Китае.

Письменность — ее история и преподавание. Роль письменности в формировании китайского литературного языка. Ответ на вопрос профана: почему они не хотят заменить свои иероглифы латиницей? Слово и словарь. Метод пользования словарем. Количество иероглифов и число иероглифов, нужное для использования учащимися. Проблема изучения китайского текста с помощью словаря (самая большая из существующих проблем). Рациональный способ отыскания незнакомых иероглифов в словаре и их регистрация. Выводы.

«Фонд» китайского эрудита: (точное перечисление всех его ингредиентов, начиная с 三字經 [Сань цзы цзин]¹ и далее вплоть до античной мудрости). Перспективы прогресса современного китайского языка. Эффект европейского преподавания в китайских школах. Примеры и дедукция. Занятия с параллельными текстами с целью ясной и детальной демонстрации разницы между языком письменным и разговорным. И так далее.

Прошу прощения, что затруднил Вас чтением всех этих строк — возможно, мало интересных, — но я отдаю Вам отчет в том, чем занимаюсь; и уверяю Вас, что живо ощущаю Ваше весьма глубокое и весьма действенное влияние на мое сознание, так что единственное, чему я придаю теперь важнейшее значение, — это ясному пониманию текста и тех понятий, которые этот текст содержит.

Потому примите, прошу Вас, скромное подношение в виде этого сообщения, и не судите меня слишком строго: я ведь как 管仲之器².

В ближайшие дни я собираюсь жениться. Таким образом я прерываю привычное мне одиночество, и будущее мне неясно, хотя и весьма заманчиво.

¹ Букв.: «Книга по три слова [в строке]» — своеобразная дидактическая энциклопедия для начинающих. Именно с этой книги, где каждый предмет изложен в простых коротких фразах, начиналось обучение в старом Китае, причем текст учебника заучивался частями наизусть.

² Примерный перевод: «Я ведь как Гуань Чжун с его способностями». Источником этого намека служит одно из изречений Конфуция в его «Суждениях и беседах» (Лунь юй): «Воистину малы способности [философа] Гуань Чжуна!»

Примите, дорогой учитель, заверения в самом глубоком уважении от Вашего скромного и преданного ученика.

Василий Алексеев

Петроград
Петр. ст., Большой пр. 1/33, кв. 1
6 декабря 1917

Мой дорогой господин и Учитель!

От всей души благодарю Вас за Ваше письмо от 13 июля, такое мне дорогое, такое хорошее и доброе. Я до сих пор не ответил Вам, так как терпеливо ждал получения Вашей статьи относительно У и Юэ [24], об отправке которой Вы меня известили. U-boots¹ либо попросту наша отвратительная почта, где почтальоны только и делают, что без конца бастуют, сыграли со мной здесь тот же трюк, что и с моей поэмой Сыкун Ту², — я ее (т. е. Вашей статьи. — И. Ц.) так вообще и не получил.

Если Вы без особой неприязни вспоминаете о нашем путешествии 1907 г.³, то для меня оно навсегда останется святым воспоминанием. Досадно только, что в то время я мало что знал и мое неведение никак не побуждало меня к беседе. Все выглядело бы иначе теперь, когда я уже что-то сделал, когда задумался над важными проблемами. Именно теперь наступило время вдохнуть чистый воздух нашей науки то ли в Коллеж [де Франс], то ли вообще в Париже, и именно теперь пришло также время (...) чтобы остановить себя. Мечты жестоко оборваны. Я русский, сын страны, управляемой бандой предателей, подкупленных и продажных. Вы, несомненно, уже знаете о нашей злополучной революции, доведенной до конца кликой нищих террористов, которые прекрасно знают, к кому они обращаются, и равным образом прекрасно умеют манипулировать нашим, скажем, «богопослушным и боголюбивым народом», скотом неграмотным и диким. Они хотят теперь истребить всех, от кого пахнет «буржуазией», то есть тех, кто достаточно хорошо одевается, достаточно прилично ведет себя, не пьет и т. д. Вчера дворники Академии наук грозились убить г-на Карпинского⁴, президента, который посмел выгнать одного из двух дворников за допущенную им вне всяких рамок грубость... Жизнь здесь не что иное, как сплошной кошмар. Прежде всего, долго здесь не проживешь, потому что в положенном нам, служащим Академии, жаловании уже отказано нашими бандитами — и карман мой пуст. В случае, если я останусь в живых, я решил уехать. Если на свете найдется какой-нибудь уголок, где мои знания и определенные усилия могут кому-то пригодиться, я туда и отправлюсь — краснея, пишу Вам об этом. Предпочитаю 千馬走⁵ среди цивилизованных двуногих, нежели жить здесь, где зверь в образе человека более агрессивен, чем сам зверь. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли дать мне какое-то указание, которым я смог бы руководствоваться при моем выборе. И поскольку Ваше имя ведущего китаевода известно повсюду, я не останавливаюсь в своей дерзости просить Вас об одолжении дать мне рекомендательное

¹ Подводные лодки (нем.).

² Имеется в виду, что до Шаванна не дошла монография В. М. Алексеева «Китайская поэма о поэте» [5], посланная ему год тому назад.

³ О нем см. примеч. 3 (с. 469) к предыдущему письму.

⁴ Александр Петрович Карпинский (1847—1936) — президент Академии наук (1917—1936).

⁵ Букв.: «быть рабочим скотом», т. е. влачить жалкое существование (кит.).

письмо, где бы Вы, по возможности охарактеризовав меня, предложили бы меня в качестве преподавателя синологии, то ли на французском, то ли на английском в Австралии, Америке или в другой стране, где не доминирует немецкий. Мое имя мало известно за границей, и несколько Ваших строк могли бы меня спасти, если только я до этого не помру. Но если меня не станет и это письмо окажется последним, я от всего сердца благодарю Господа Бога за то, что он дал мне встретиться с Вами в Париже и в Пекине и тем самым пережить множество мгновений, которые я без колебаний могу назвать яркими и возместившими страдания моей несчастной жизни.

Я желаю Вам долгой жизни, что несомненно принесет пользу обществу и науке. Низко кланяюсь всему, что Вы сделали, а равно тому, что Вы еще сделаете в течение многих последующих лет.

Ваш очень преданный ученик
Василий Алексеев

Литература

1. Алексеев В. М. Автобиография китаеведа, доцента Петроградского университета, младшего научного хранителя Азиатского музея Академии наук Василия Михайловича Алексеева // Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 266—270.
2. Алексеев В. М. В старом Китае: Дневник путешествия 1907 г. М., 1958.
3. Алексеев В. М. Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии // Журнал Министерства народного просвещения. Новая сер. Ч. V. 1906, сентябрь. С. 101—139; 1906, октябрь. С. 277—340. Отд. отт.: СПб., 1906.
4. Алексеев В. М. Как я изучал и изучаю Китай // Алексеев В. М. Наука о Востоке. С. 266—307.
5. Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту (837—908). 詩品。唐司空圖撰 / Пер. и исслед. (с прилож. кит. текстов). Пг., 1916.
6. Алексеев В. М. Наука о Востоке: Статьи и документы. М., 1982.
7. Алексеев В. М. Памяти профессора Эдуарда Шаванна // Там же. С. 68—77.
8. Алексеев В. М. Письмо В. А. Жуковскому // Там же. С. 77—78.
9. Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая [Л., 1948]. (Машинопись в 4-х книгах, из личного архива В. А. Вельгуса. Хранится у И. Э. Циперович.)
10. Алексеев В. М. Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909) // Известия Академии наук. Сер. VI. 1910. № 12, сент. С. 935—942; То же // Mélanges asiatiques. Т. 14 (1909—1910). 1910. С. 333—340.
11. Баньковская М. В. «Мой двойник, только сильнее и вообще лучше» // Восток. 1992. № 5. С. 97—107.
12. Бартольд В. В. Эдуард Шаванн: Некролог // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 9. М., 1977. С. 629—641.
13. Литература и культура Китая: Сб. статей к 90-летию со дня рождения акад. Василия Михайловича Алексеева. М., 1972.
14. Alexeiev V. La littérature chinoise: Six conférences au Collège de France et au Musée Guimet (Novembre 1926). P., 1937.
15. Catalogue des manuscrits chinois de Touen-houang: (Fond Pelliot chinois). Vols I, III, IV. P., 1970—1991 (Bibliothèque Nationale, Département des manuscrits).
16. Chavannes Ed. Cinq cents contes et apologues extraits du Tripitaka chinois et traduit en français par Ed. Chavannes. T. I—IV. P., 1910—1924.
17. Chavannes Ed. Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental / Publiés et traduits par Ed. Chavannes. Ox., 1913.

18. *Chavannes Ed.* Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien / Traduits et annotés par Ed. Chavannes. Vols I—V. P., 1895—1906.
19. *Chavannes Ed.* Mission archéologique dans la Chine septentrionale: Planches. P., 1909.
20. *Chavannes Ed.* Mission archéologique dans la Chine septentrionale. T. I. Première partie: La sculpture à l'époque des Han. P., 1913.
21. *Chavannes Ed.* Mission archéologique dans la Chine septentrionale. T. I. Deuxième partie: La sculpture bouddhique. P., 1915.
22. *Chavannes Ed.* Note de M. Chavannes // Journal asiatique. Sér. X. T. 15. 1910. N 3. P. 582—583.
23. *Chavannes Ed.* Quatre inscriptions du Yun-nan: (Mission du Commandant d'Ollone) // Ibid. T. 14. 1909. P. 5—46.
24. *Chavannes Ed.* Le royaume de Wou et de Yue // T'oung Pao. Vol. 17. 1916. N 2. P. 129—264.
25. *Chavannes Ed. et Pelliot P.* Un traité manichéen retrouvé en Chine. P. I—II / Traduit et annoté par Mm. Ed. Chavannes et P. Pelliot // Journal asiatique. Sér. X. T. XVIII. 1911. N 3. P. 499—617; Sér. XI. T. I. 1913. N 1. P. 99—199; N 2. P. 261—394.
26. *Cordier H.* Edouard Chavannes: Nécrologie // T'oung Pao. Vol. XVIII. 1918. N 1. P. 114—147.
27. *Couvreur S.* Dictionnaire classique de la langue chinoise. P., 1890; 2-me éd. 1904; 3-me éd. 1911.
28. *Farjanel F.* Une inscription du Yunnan (Mission d'Ollone), traduit par Chavannes. Etude critique // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1910. Oct. P. 1077—1102.
29. *Demiéville P.* La carrière scientifique de Paul Pelliot et son oeuvre relative à l'Extrême Orient: Allocution prononcée à la Société Asiatique le 9 novembre 1945 // Paul Pelliot. P., 1946. P. 29—54.
30. *Hambis L.* Paul Pelliot (1878—1945) historien et linguist // Ibid. P. 30—40.
31. *Hambis L.* Paul Pelliot et les études mongoles // Ibid. P. 69—77.
32. Paul Pelliot. Publié par Société Asiatique. P., 1946.
33. *Pelliot P.* Une bibliothèque médiévale retrouvée au Kan-sou // Bulletin de L'Ecole française d'Extrême Orient. 1908. P. 501—529.
34. *Pelliot P.* Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du VIIIes. // Ibid. 1904. P. 131—414.
35. *Pelliot P.* Un fragment du Sūvarṇaprabhāsa-sūtra en iranien oriental: Texte transcrit, traduction et commentaire // Etudes linguistiques sur les documents de la Mission Pelliot. Fasc. IV; extraits des Mémoires de la Société de Linguistique de Paris. T. XVIII. 1913. P. 89—125.
36. *Pelliot P.* Les grandes voyages maritimes chinois au début du XVe siècle // T'oung Pao. T. XXX. 1933. P. 237—452.
37. *Pelliot P.* Les grottes de Touen-houang: Peintures et sculptures bouddhiques des époques de Wei, des T'ang et des Song / Par P. Pelliot. T. I—IV. (Planches). P., 1914—1924 (Mission Pelliot en Asie Central).
38. *Pelliot P.* Grottes de Touen-houang: Carnet de notes de P. Pelliot: Inscriptions et peintures murales. T. I—IV. P., 1981—1982.
39. *Pelliot P.* Histoire secrète des mongols: Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres 1 à 6 // Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. T. I. P., 1949.
40. *Pelliot P.* «Meou-tseu ou les doutes levés»: Traduit et annoté // T'oung Pao. T. XIX. 1920. N 3. P. 255—433.
41. *Pelliot P.* Mongols et la Papauté // Revue de l'Orient Chrétien. Sér. 3. T. III. N 1, 2 (1922—1923). P. 13—30; T. IV. N 3, 4 (1924). P. 225—335; T. VIII. N 1, 2 (1931—1932). P. 3—84.
42. *Pelliot P.* Notes critiques d'histoire Kalmouke. Vols 1—2. P., 1960 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, VI).

43. *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. P., 1959, 1963, 1973 (Ouvrage posthume).
44. *Pelliot P.* Rapport de M. Paul Pelliot sur sa mission au Turkestan chinois (1906–1909) // *Compte rendu des science de l'Academie des Inscriptions et Belle-Lettres.* P., 1910.
45. *Pelliot P.* Répertoire des «Collections Pelliot A» et «B» du fonds Chinois de la Bibliothèque Nationale // *T'oung Pao.* 1913. Vol. XIV. P. 697–780.
46. *Pelliot P.* Trois ans dans la Haute Asie // *Bulletin du Comité de l'Asie Française.* Janv. 1910.
47. *Schmidt-Glitzner H.* Chinesische Manichaica mit textkritischen Anmerkungen und einem Glossar. Wiesbaden, 1987 (Ser.: Studies in Oriental Religions).
48. *Tajadod N.* Mani, le Bouddha de Lumière: Catéchisme manichéen chinois. P., 1990 (Sér.: Sources Gnostique et Manichéennes).